
А.Р. ИХСАНОВ

НЕ ЛИНГВИСТЫ СОЗДАЮТ ЯЗЫК, А ЛЮДИ: ДИХОТОМИЧНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена современным тенденциям в американской историографии изучения Центральной Азии. Одной из таких тенденций является издание специализированных книжных серий. Эти серии включают в себя не только новейшие исследования, но и некоторые ценные труды 2000-х гг. Одно из таких изданий и находится в центре внимания данной статьи. Книга «Learning to Become Turkmen: Literacy, Language, and Power, 1914-2014», написанная Викторией Клемент, призвана показать внутренний динамизм социального феномена (грамотности), рассматриваемого в контексте исторического развития туркменского общества. Исследование Клемент можно рассматривать на стыке трех тенденций 2000-х гг.: внутренней борьбы и поисков американской историографии; появления «новой волны» работ по Центральной Азии, в том числе джадидо-центричного нарратива и его критики; а также пост-колониального стремления услышать местные голоса и использовать эпистемологическое наследие местного сообщества. Автор попыталась проанализировать первоисточники и включить советские исследования по истории образования в свой анализ достаточно широкого исторического промежутка, чтобы обосновать чередование значений ключевых понятий (таких как «современность», «современная нация», «власть», «грамотность»). Эта книга включает в себя большое количество материалов, полученных в ходе полевых исследований в Туркменистане в 1997-2016 гг. Дополнение к исследованию Клемент, относящееся к 2010-м гг. сделало книгу ценной не только для историков, но и для аналитиков по региону. Данная рецензия дополняет сведения начальных глав издания, что позволяет рассматривать этот труд в рамках актуальных научных дискуссий по более широким темам.

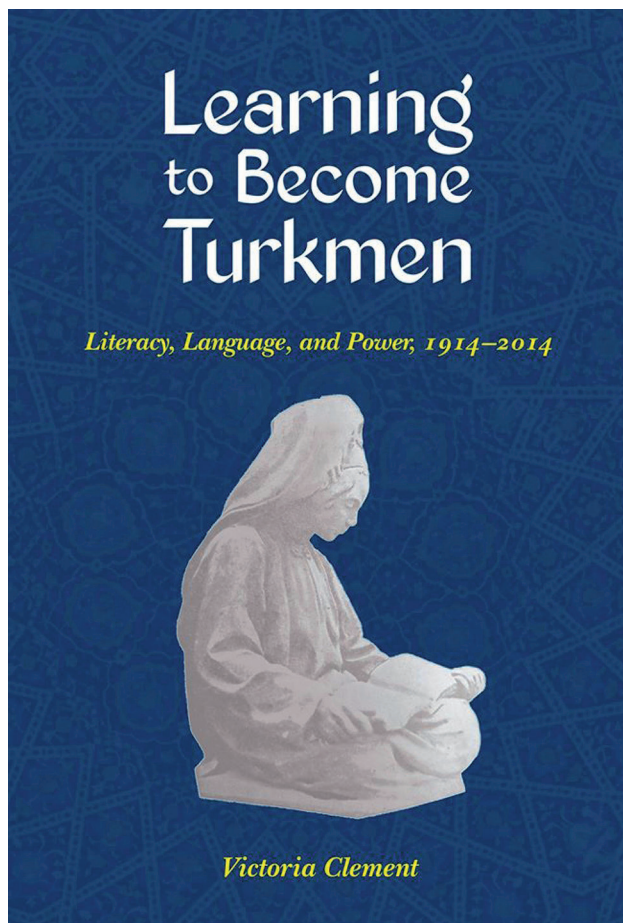
Ключевые слова: история языкознания, языковая реформа, Туркменистан, прогрессисты

ПЕРВОНАЧАЛЬНО целью данного обзора было ознакомление читателя с новейшими тенденциями в зарубежной историографии Центральной Азии. Эта задача требует углублённых изысканий в методологических подходах, используемых различными учеными в качестве базы своих исследований. Здесь же рассматривается книга, относящаяся к современным сериям публикаций по Центральной Азии, изданным в США. Речь идёт, прежде всего, об издательствах университетов Питтсбурга (примеры – «Бухарский кризис» и «Взлет и падение Коканда, 1709-1876» Скотта Леви), Корнелла («Голодная степь» Сары Кэмерон, «Русский хадж» Эйлин Кейн, «Знание и окраины империи» Яна Кэмпбелла) и Индианы («Татарская империя» Дениэла Росса). Эти издательства можно считать лидерами книжного рынка, связанного с изучением указанного региона. В то время как издательство Корнеллского университета рассматривает «русские и евразийские исследования» как особую отрасль знания, издательство Питтсбургского

университета представило специализированную серию под названием «Евразия в контексте» под редакцией Дугласа Нортропа – американского исследователя, чья книга «Завуалированная империя: гендер и власть в сталинской Центральной Азии» (2004) является классическим трудом по истории региона. С 2011 г. эта серия часто удостоивалась Книжной премии Общества центрально-евразийских исследований (CESS) и оказала своё влияние на американскую историографию.

И вот новая книга, опубликованная в рамках этой серии. Монография была написана Викторией Клемент и вышла под названием «Learning to Become Turkmen: Literacy, Language, and Power, 1914-2014¹» (Clement 2018). После выхода книги Эдриен Линн Эдгар «Племенная нация: становление Советского Туркменистана» (Edgar 2004)

¹ Данное название весьма трудно однозначно перевести на русский язык без потери смысла. Наиболее точным вариантом перевода может быть: «Обучение, чтобы стать туркменским: грамотность, язык и власть, 1914-2014».

текста возникновения этой работы и избранных методологических подходов.

Основная часть работы была написана к 2005 г. в качестве кандидатской диссертации. На рубеже конца 1990-х – 2000-х гг. произошло существенное изменение методологии американской историографии (Pomanova 2010). Если до этого периода в центре внимания американских ученых находилось изучение репрезентаций, идентичностей и множественности социального мира, то после начала 2000-х гг. их интерес вновь обратился к глобальной истории социального реализма. Это не обязательно означает полный отказ от наследия «поворотов» и исследований культуры (Cultural Studies) (Pomanova 2015). Более того, дискурсивный анализ Мишеля Фуко («власть-знание») сохраняет свое место в историографии. Однако, дискуссии и дебаты начала 2000-х гг. демонстрируют критический подход американских историков к наследию европейской науки. Исследователи искали новые устойчивые структуры среди хаотического смешения социальных рефлексий с их размытыми границами. И эти структуры были найдены в концептуальном аппарате политологии.

Эту тенденцию можно проследить и по книге В.Клемент. Ее главная тема – грамотность. Во введении исследовательница раскрывает намерение изучить обратную связь между политическими решениями в сфере образования и их отражением внутри туркменского общества (Clement 2018: 3-4). Однако она была вынуждена искать устойчивые рамки и нашла их в законодательных документах и ряде дихотомий: например, Москва как «всесильный» руководящий центр и местные институты как исполнители воли Москвы.

Обобщающая тенденция в поисках новой методологической основы (ее можно считать чрезмерно обобщающей) оказала своё влияние и на центральноазиатские исследования, как специфическую отрасль регионоведения и историографии. Эта новая область знания возникла после распада Советского Союза в 1991 г. В начале 2000-х гг. это направление преодолело противоречия советского наследия. Наметилась тенденция к введению в эту сферу принципов постструктурализма (Post-Studies) (Gorshenina-Rapin 2009). Она была дополнена анализом единичных случаев (case studies) и особым фокусом на местных материалах (Morrison 2012). Значительное влияние на этот сдвиг оказала публикация двух ключевых монографий американских историков. Первую книгу опубликовал Адиб Халид. Его работа «Политика мусульманской культурной реформы: джадидизм в Центральной Азии» привлекла внимание академических кругов к местным

работа Клемент является первой книгой, специально посвященной Туркменистану (а именно аспекту формирования национальной идентичности), которая была опубликована в американской историографии. Вот почему она представляет несомненный интерес.

Этот обзор разделен на три части. Первая часть посвящена трем тенденциям, которые привели к появлению этого издания. Во второй речь идет о структуре самой книги и содержательных элементах повествования. Третья – дополнения к тексту, которые могут обеспечить включение этой книги в обсуждения более широких тем. Третья часть также содержит некоторые критические замечания о монографии В.Клемент, которые могут быть полезны для последующих публикаций по интеллектуальной истории Туркменистана.

Монография в контексте

Книга Виктории Клемент основана на ее докторской диссертации (Университет штата Огайо, 2005) и многолетних полевых исследованиях в Туркменистане (1997-2016). Эти два момента имеют решающее значение для понимания кон-

дискурсам внутри сообщества центральноазиатских интеллектуалов, а не к общеимперским или общесоюзным тенденциям (*Khalid* 1999). В 2015 г. А.Халид дополнил эту идею, опираясь на принципы лингвистического поворота и черпая вдохновение из «Ориентализма» Эдварда Саида и идей Пьера Бурдьё. По мнению Халида, наследие мысли центральноазиатских интеллектуалов можно рассматривать как краеугольный камень для дальнейшего формирования государственности и развития национальной идентичности в регионе, по крайней мере, в период 1920-1930-х гг. (*Khalid* 2015).

Второй книгой была вышеупомянутая работа Эдриен Линн Эдгар. Она стала одним из первых специалистов, которые намеревались проанализировать «местные голоса» и понять локальный нарратив в контексте создания государственности в Центральной Азии (1920-е гг.). Были ли понятия «нация», «идентичность», «государство» одинаковыми для местных жителей, политической элиты вновь образованных республик и для общесоюзных идеологов? Чтобы найти ответы на столь сложные вопросы, ей пришлось изучить газетные публикации тех лет (*Khalid* 2008) и обращения жителей к руководству Туркменской ССР. Ей удалось раскрыть некоторые важные детали конфликтов внутри политической элиты, противоречий коммуникаций между Москвой и Ашхабадом (*Edgar* 2004). В то время как Халид в основном концентрируется на культурологии и интеллектуальной истории, Эдгар обращается к проблеме институционализации.

Несомненно, эти работы внесли значительный вклад в анализ новейшей истории Центральной Азии, создав основу для последующей волны работ в 2010-е гг. Однако, они всё же подверглись жесткой критике. В 2016 г. специальный выпуск журнала «Экономическая и социальная история Востока» (*The Journal of the Economic and Social History of the Orient*; 1/2) был полностью посвящен критике нарратива Халида. Внимание учёного было в первую очередь сосредоточено на новом поколении интеллектуалов, возникшем в условиях колониального общества Российской империи. Он указывает, что у этого поколения было особое восприятие модерности, видение будущего. Он также рассматривал их как движение прогрессизма в исламе (*джадидизм*; от персидского *усуль-и джадид* – новый метод обучения). Эти идеи, дополненные позиционированием джадидизма как светского сообщества и просветительского движения, стали популярными в историографии Центральной Азии, Кавказа и Поволжья. Другими словами, «джадидоцентричная историография», как назвал это явление Девин Де-

Виз, обеспечивала основу «зонтичного понятия» для исследования многочисленных социальных, культурных и политических феноменов без учета преемственности и связности, новаторства и разрывов, имевших свое место в истории региона. Граница между так называемыми джадидами (прогрессистами) и их противниками была размыта и неочевидна (*DeWeese* 2016). Более того, стандарт образования, созданный под персидским культурным влиянием (*Persianate Society*), который ранее разрабатывался в региональном сакральном центре, в Бухаре, и был главным объектом критики джадидов, несмотря на всю критику, был достаточно популярен и широко распространен среди мусульманского населения Российской империи (*Frank* 2016). Несмотря на некоторые действительно важные критические замечания, Халид деликатно ответил на этот вызов. Он справедливо указал на необходимость анализа динамизма и оригинальности мысли внутри локального сообщества, нарратива прогрессистов как переходных идей до установления советской власти. Именно поэтому, например, местный театр как новый способ выражения отношения к политической повестке дня был особо важен для исследований Халида (*Khalid* 2015: 18-21).

В.Клемент, в свою очередь, была прилежной ученицей и Эдгар, и Халида. Она основывает свою работу на том же социологическом подходе Бурдьё с конструктивистской рефлексией понятия «традиция». Она размышляет о меняющейся природе традиции во времени. Но главное ее внимание сосредоточено на модерности и на том, что было модерностью для разных поколений туркмен. Клемент использовала ту же группу источников – местную прессу – для выявления восприятия населением образовательной политики. Тем не менее, Клемент избегает попадания своей работы под критику джадидоцентричной историографии. Она делает это, изолируя туркменское общество этнической границей и рассматривая свою книгу не как историческое сочинение, а как оппозицию современной аналитике о Туркменистане, основанной на экзотизации и ориентализации этой страны (*Clement* 2018: 15-16). Впрочем, этот поворот не спасает книгу Клемент от критики со стороны Айны Соеговой (*Соегова* 2020) и Аллена Франка (*Frank* 2020). Обе критические статьи обращаются к исламскому фактору в рамках перехода от позднеимперского периода к раннесоветской реальности. Так, Франк призывает не забывать о наличии механизмов консолидации досоветского периода, а Соегова отмечает, что переход от исламского восприятия к светскому образу мышления был неравномерен в

разных географических точках региона. Эти факторы, если и рассматривались Клемент, то лишь поверхностно. И тому есть причина.

Для лучшего понимания сути дискуссий о джадидизме стоит отметить, что все упомянутые исследования основаны на местных источниках, написанных на языках народов Центральной Азии. Эта постколониальная тенденция является очень важным фактором в новейшей историографии региона (Sartori 2018). Подходы к изучению «местных голосов» включают в себя не только первоисточники, но и наследие советской историографии со всеми ее идеологическими штампами и сомнительными оценками. Виктория Клемент консультировалась с одним из крупнейших местных специалистов по интеллектуальной истории Туркменистана Мурадгельды Соеговым. Именно через анализ его собственных работ и линии наследования концептуальной базы можно увидеть, как некоторые клише советской историографии нашли свой путь в современные американские академические публикации.

С начала 1960-х годов тема *magaryf* (туркм. просвещение) и формирования национальной идентичности изучалась различными дисциплинами. В 1970-80-е гг. труды прогрессистов были введены в туркменскую историографию лингвистами (Аллагулы Моллаев), философами (Ташли Хыдыров), литературоведами (Дурдымухаммед Нуралиев) и исламоведами-атеистами (Недир Кулиев). Единственным историком, который занимался этим процессом, был Аман Ильясов – автор книги о русском завоевании туркменских земель. Методологический подход этих групп состоял в секуляризации дискурса и представлении прогрессистского движения как переходного эпизода, приведшего к советским образовательным реформам и образу мышления. Ученые искали способ преодолеть упоминание Ислама и национализма, ссылаясь на «общественную деятельность», «антиклерикализм» и «прогрессивно-демократические идеи» (Хыдыров 1979). Они также проводили различие между ранними советскими академическими кадрами и дореволюционным поколением интеллигенции.

В период гласности, объявленной в СССР в период правления М.С. Горбачёва, туркменские гуманитарии занимались рядом полуофициальных и неформальных проектов, таких как создание дискуссионных площадок через официальную местную прессу: двуязычный журнал «Агитатор Туркменистана», переименованный в 1990 г. в «Политический собеседник» / «Сыясы сөхбетдеш», русскоязычные газеты «Комсомолец Туркменистана», «Туркменская искра», туркменоязычные «Яш коммунист» («Молодой комму-

нист»), «Эдебият ве сунгат» («Литература и искусство»).

На туркменскую интеллигенцию повлияли не только внутренние размышления о распаде Советского Союза, но и открытие архивных материалов, показавшее всю неоднозначность политических процессов. Методологическая основа исследований, написанных в этот период лингвистом Мурадгельды Соеговым, историком Бахар Ходжакулиевой осталась такой же, как и в предыдущий период. Однако теперь прогрессисты рассматривались как сообщество, оказавшее наиболее важный вклад в национальную идентичность. Туркменское видение феномена национальной идентичности также находилось под влиянием зарубежной, особенно турецкой историографии (Ходжакулиева 1995).

После 1995-1998 гг. споры о начальных этапах формирования национальной идентичности были перенесены за пределы Туркменистана, на страницы зарубежных академических журналов. Историк архитектуры и культуролог Руслан Мурадов издавал в Санкт-Петербурге международный ежегодник «Культурные ценности», Мурадгельды Соегов сотрудничал с турецкими журналами – такими как «Bilgi» («Знание»), российским журналом «Проблемы востоковедения» (Уфа). Эти туркменские специалисты избирательно продолжили траектории концепций, созданных и разработанных советской наукой. Однако, зарубежные дискуссионные площадки позволили им раскрыть свою критику советского режима и более свободно излагать свои мысли (Soyegov 2016). Соегов унаследовал некоторые идеи Хыдырова (например, он избегает упоминания политической повестки дня джадидизма), но смешал различные группы интеллектуалов (в отличие от полного разделения советских академических работников и мусульманских деятелей историком Тахиром Ашировым). Основной акцент в публикациях М.Соегова сделан на активности интеллигенции после создания Туркменской ССР. Похоже, что период до национального размежевания и участия туркмен в многочисленных государственных проектах в Центральной Азии (таких как объединенная Туркестанская республика или Бухарская Советская Народная Республика) был им пропущен. В то же время, он обращается к эссенциализированному пониманию концепции нации, о чём упоминают ДеВиз (DeWeese 2018) и Франк, и опыту «Других»: татар, турок, узбеков. Последнее использовалось лишь как образец для выстраивания нарратива. Сети коммуникации между другими народами и туркменской интеллигенцией рассматриваются Соеговым кратко. Иными словами, он избегал гетерогенности тур-

кменской «культурной самости», столь важной для современных исследований идентичности.

Эта линия от Ташли Хыдырова, который был вынужден адаптировать свое повествование к советской методологии, и Мурадгельды Соегова, который ввел термин «джадид» в современную туркменскую историографию², привела к некоторым советским клише и в работе В.Клемент. Несомненно, ее намерение обратиться к наследию туркменской советской науки ценно. Ее желание искать местные голоса важно. Тем не менее, фактор исламской идентичности туркменского общества, упомянутый Франком (Frank 2020), также важен для обсуждения проблемы грамотности во всем регионе. Именно родовые группы (туркм. *öwlatlar*), чей символический капитал был легитимизирован исламом, контролировали доступ к системе образования и вопросы культурного строительства (Abashin 2004).

Таким образом, рассматриваемая монография базируется на трех различных тенденциях, столь характерных для 2000-х гг.: внутренняя борьба и поиски американской историографии; появление «новой волны» работ по Центральной Азии, в том числе джадидоцентричного нарратива и его критики; а также постколониальное стремление услышать местные голоса и использовать эпистемологическое наследие местного сообщества.

Уже в 2010-е гг. были опубликованы многочисленные работы «новой волны» по интеллектуальной истории Центральной Азии. Одним из самых последних и ярких примеров является книга Яна Кэмпбелла «Знание и окраины империи: казахские посредники и русское правление в Степи, 1731-1917» (Campbell 2017). Эта диссертация была написана в 2011 г. и опубликована шесть лет спустя. Она достойна внимания в контексте рассмотрения работы В.Клемент, потому что в ней раскрывается тот же вопрос об оригинальности местной мысли, а также о том, что местная мысль необязательно бывает противостоящей какому-либо концепту. Другой пример – книга Ботакоз Кассымбековой «Несмотря на культуры: раннесоветское правление в Таджикистане», в которой рассматривается система союзов между представителями власти и местным населением при установлении советской власти в регионе (Kassymbekova 2016). В этой монографии также подчеркивался фактор самоцензуры и лжи по отношению к метрополии в контексте проблемы обучения умению «говорить по-советски». Эти моменты также были упомянуты Клемент. Таким

образом, можно видеть, что идеи автора были оригинальными для своего времени. Издание же в 2018 г. позволило дополнить книгу некоторыми данными, собранными в ходе полевой работы в Туркменистане по современным реформам в сфере образования. Именно по этой причине монография была принята во внимание не только историками, но и экспертами по региону. Работа В.Клемент вызвала интерес и внутри самого Туркменистана.

Структура книги

Книга посвящена периоду 1914–2014 гг. Эти хронологические рамки представляются довольно широкими. Однако главная задача книги коррелирует именно с таким периодом. Как уже было сказано выше, краеугольным камнем этой книги является эволюция таких понятий, как «модерность» (что значит быть «современной нацией») и «грамотность» в понимании туркменского народа на протяжении всей истории его национальной государственности. Первоначально В.Клемент утверждает, что изучение «сила языка и образования как социальных детерминант ... выходит за рамки роли государства и включает в себя агентность людей (способность к действию - А.И.)» (Clement 2018: 4). Однако институциональная структура сохраняет важное место в ее книге. Большинство современных исследований интеллектуальной истории Туркменистана базируется на двух принципах – биографическом подходе (Соегов) и анализе избранных произведений (Аширов). Оба эти подхода направлены на то, чтобы сконцентрироваться на истории идей, а не на линейном чередовании теоретических рамок. Чередование методологических «стадий» приводит к доминированию роли центра в интеллектуальной истории, тогда как история идей позволяет перевести фокус внимания на локальных акторов, непосредственных производителей знания в позитивистском духе. Вместо того чтобы сосредоточиться на личностях или избранных произведениях, Климент использует основные реформы в качестве ориентиров для своего повествования. Таким образом, ее книга основана на хронологическом принципе и разделена на введение, семь глав, заключение и примечания. Структура монографии основана на анализе общесоюзных тенденций (принятие реформы), описанию туркменской специфики (путем обзора обсуждения реформы на местах) и анализе представленных случаев (имплементации решений высших органов).

Введение открывается эпиграфом о конструктивистском подходе к традиции и ее динамической природе (Clement 2018: 3). Эта цитата призвана раскрыть замысел автора о главном предмете этой

² В советский период этот термин был запрещен; Айна Соегова в своих работах использует понятие «джадид» как синоним «писателя новой волны».

книги – внутреннем динамизме туркменской культуры. Следующие части текста озаглавлены «Туркменская идентичность» и «Модерность» (Clement 2018: 4-7). Они базируются на том же основании генеалогической связи как метода организации туркменских социальных структур, что и подход Эдгара Клемент утверждает, что изначально язык не был главным маркером туркменской идентичности, но его значение менялось на протяжении всей истории туркменского народа. Она также отмечает, что модерность – понятие неустойчивое – возможно, этот тезис можно обобщить понятием «множественных модерностей» (David-Fox 2020), но туркменский пример может внести свой вклад в осмысление локальной рефлексии того, что значит быть современным. Следующие теоретические части опираются на концептуальную базу Бурдье (социологический подход). Они кажутся обобщающими, и это может быть доказано интересной опечаткой на странице 13 – «Turkmic». Похоже, что тонкая грань между «тюркским» (Turkic) и «туркменским» (Turkmen) в данном случае была нарушена. Обобщая ключевую идею книги, Клемент утверждает, что пытается раскрыть рефлексию о модерности через изучение алфавита и языковых реформ в Туркменистане.

Первая глава «Вдохновленные джадидами пути к современности, 1914-1917» (Clement 2018: 17-37) посвящена периоду влияния Российской империи на систему образования туркмен. Первые две части текста «Традиционные мекдепы (школы)» и «Русско-туземные школы для туркмен» описывают ситуацию в региональном образовании Закаспийской области. Следующие части «Вдохновленные джадидами туркмены до 1917 года», «Грамотность, школы и улемы», «Пробуждение в туркменских школах нового метода» направлены на выяснение основных причин распространения прогрессизма. Они включают высокий уровень неграмотности и попытку построить новую образовательную систему для модернизации туркменского народа в рамках исламского сообщества. Следующие две части «Обучение женщин как часть туркменской самости (millet)³» и «Джадидизм и печатная культура» основаны на источниковедческом анализе «Закаспийской туземной газеты» (*Рузнаме-ий Маури-ий Бахр-и Хазар*), которая предоставила возможность для публикаций статей, написанных самими туркменами (в частности, Мухамедкули Атабаевым). Клемент рассматривает это перио-

дическое издание как средство увидеть выражение местного нарратива о прогрессистском движении и его целях. Последняя часть «Измененная арабская письменность» раскрывает намерение тюркоязычных групп поменять арабский алфавит для своих целей и фонетической специфики местных языков. В резюме этой части Клемент упоминает о долгосрочном влиянии исламского прогрессистского нарратива на историю туркменских образовательных реформ. Согласно ее книге, туркмены видели предпосылку современности в переходе от устной передачи информации к письменной форме. Они изучали процесс этого перехода в деятельности других тюркоязычных групп, но хотели сохранить свою «культурную самость» в рамках более широких дискурсов исламского и тюркоязычного сообществ.

Вторая глава «Партнеры по прогрессу: туркменская интеллигенция в советском пространстве, 1917-1930 годы» (Clement 2018: 37-68) начинается с краткого упоминания о Гражданской войне. Далее Клемент описывает общую тенденцию образовательных реформ большевиков в первые годы советской власти. Она кратко упоминает о временном союзе с колониальным поколением интеллигенции и необходимости создания новой элиты, преданной большевикам. Эта глава раскрывает советское намерение «слияния» между различными национальными группами Советского Союза. Только с подглавы «Прогрессисты и большевики становятся партнерами на культурном фронте» описывают процессы в самом Туркменистане. Местные интеллектуальные и политические элиты настаивали на сохранении прежних школ для поддержки распространения образования. Кроме того, возник вопрос о языках для общения между властями и населением (коммуникация в разных районах базировалась на разных языках), а также вопрос об алфавите. Автор не раскрывает причины внутренних противоречий языковой политики. В части «Алфавит» она впервые обращается к биографии выдающегося туркменского ученого-лингвиста Мухамеда Гельдыева. Он активно участвовал в реформировании туркменского языка, вводя модифицированную арабскую письменность и борясь с другими академическими деятелями, такими как Аллагулы Гараханов. В данном случае речь шла об отсутствии стандартизации языка в данный конкретный период. Разные деятели предлагали своё видение стратегии развития литературного языка (выбор базового диалекта, воспроизведение на письме фонетического строя и т.п.). Клемент кратко обозревает лишь одну из многочисленных дискуссий. В 1924 г. была основана Туркменская Советская Социалистическая Республика

³ В.Клемент достаточно подробно обсуждает использование термина millet (нация). Она говорит о том, что в рассматриваемый ею промежуток данный термин ещё не имел конкретного определения соотносимого с понятием «нация» и, скорее, обозначал особый статус туркмен среди других мусульманских групп.

(ТССР). В 1926 г. Тюркологический конгресс в Баку принял решение о переходе тюркских языков на латиницу. По словам Клемент, туркмены не поддерживали это намерение, но были вынуждены следовать ему (потому что «партия не отказалась бы от [концепции социалистического прогресса]»). Однако они работали над этим переходом на своих условиях, переосмысливая концепции, предложенные другими участниками. Гельдыев лично настаивал на письменном представлении длинных гласных – фонетической особенности туркменского языка. Клемент пытается рассматривать эту позицию как репрезентацию «культурной самости».

Третья глава «От азбуки к азбуке коммунизма, 1930-1953» (там же: 68-91) посвящена трём ключевым событиям: академической конференции 1930 г., чисткам 1930-х г. и Первому Туркменскому лингвистическому конгрессу 1936 г. Эта глава основана на постепенном отходе от коренизации – то есть от намерения передать контроль над политическими решениями и культурной сферой местным большевикам. Клемент рассуждает о том, как Москва взяла под свой контроль национальное строительство и осудила наследие «вдохновенных джадидами» дискуссий в пользу своей новой концепции «советского человека». В конце главы автор упоминает о переходе алфавита на кириллицу и постепенном усилении влияния русского языка в рамках Советского Союза. В то время как прогрессисты, поддерживавшие «эклетичный туркменский язык» (Мухамед Гельдыев, а также нарком просвещения Кюмюшалы Бёриев), были осуждены и ликвидированы государственной машиной, возникло новое поколение академических работников. Особое внимание к узбекскому лингвисту Медине Богдановой, которая рассматривается как «человеческое воплощение советского государства», направлено на то, чтобы показать контраст между местным нарративом туркменской интеллектуальной элиты и намерением большевиков распространить свое влияние и идеи. В конкретной подглаве аргументируется заявление Сталина о высоком росте грамотности среди туркмен. Клемент вводит это утверждение в рамки «военной атмосферы» образовательного движения и настаивает на изменении значения слова «грамотность». Именно с этого периода грамотность и модерность были тесно связаны с русским языком и политической повесткой дня.

В четвертой главе «Говорящий по-советски, 1954-1984» (Clement 2018: 91-112) рассматривается политика русификации. По мнению Клемент, советское государство после Сталина проводило избирательную языковую политику, способ-

ствуя развитию титульных языков (таких как туркменский, узбекский), но ограничивая права меньшинств (курдов, белуджей, евреев). Результатом конгресса 1954 года стала стандартизация туркменского языка под руководством Пигама Азимова, Зулейхи Мухаммедовой и других лингвистов. Источником для международного лексикона был русский язык. С 1960-х гг. его влияние на лингвистические дискуссии значительно возросло. В эпоху Брежнева окончательно сложился статус русского языка как доминирующего языка Союза ССР (1979). Интересна дискуссия о статусе туркменского языка между Берды Кербабаевым и Аманмурадом Аннануровым, чьи представления о лексике и процессах формирования языка были совершенно противоположными. Этот вопрос будет рассмотрен ниже, так как именно эта дискуссия отражает ту грань между нарративами директивного управления и естественной эволюции, которая зачастую и становится слабым местом в историографии.

Пятая глава «От счастливого социализма к независимости, 1985-1996» (Clement 2018: 112-137) – наиболее удачная и интересная. Цель этой главы – проследить переход от концепции грамотности как знания политических клише к идее включения в мировое сообщество через образование после распада Советского Союза. Газеты периода гласности раскрывают так много подробностей и рассказов, что это было настоящим сокровищем для исследователя. Более того, эти данные были дополнены интервью с ведущими туркменскими учеными того периода. В этой главе разъясняется, как туркмены пытались сохранить свою «культурную самость» в новых условиях международных отношений. В центре её внимания – дебаты в местной прессе. Принятие латинского алфавита и новое позиционирование страны были важными шагами в первые годы независимости. Интересные подробности различных представлений о будущем государства со стороны населения, учителей, ученых и политической элиты делают это повествование подробным и динамичным.

Шестая глава «Золотое поколение Ниязова, 1996-2006» (Clement 2018: 137-160) посвящена победившему видению будущего. Это было видение политической элиты, которое постепенно реализовывалось во всех сферах образования. Однако некоторые возможности для обучения, предоставляемые иностранными организациями, были сохранены. Эти возможности открывались перед родителями, которые стремились обеспечить лучшее будущее для своих детей. Последняя глава «Эпоха могущества и счастья, 2007-2014» (Clement 2018: 160-173) посвящена ранним реформам новой политической элиты страны. В

ней говорится о постепенном увеличении значения английского языка в современном Туркменистане. Кроме того, этот раздел посвящен развитию идеи дальнейшего включения страны в международное пространство. Последние две главы основаны на событиях недавнего прошлого и давать оценку этого периода ещё достаточно сложно.

В заключение (Clement 2018: 173-181) автор суммирует свои мысли о власти, модерности и грамотности. Она упоминает о взаимном влиянии идентичности и грамотности. Хотя грамотность считается маркером идентичности, она также определяет будущие изменения последней. Этот динамический характер социального феномена важно учитывать в исследованиях по Центральной Азии, чтобы избежать эссенциализации, столь характерной для региональной историографии и аналитики.

Критические замечания и дополнения

Автор преимущественно концентрирует свое внимание на двух периодах: 1920-1930 гг., когда создавалась и оформлялась советская государственность, и 1990-2000 гг. – первых годах независимости. Такой фокус имеет решающее значение, поскольку позиционирует институционализацию как наиболее важный элемент образовательных реформ. Он также связан с источниковой базой, страдающей от отсутствия эго-документов и разрозненности информации о различных подходах к процессам реформирования. Однако, в некоторых случаях можно обогатить повествование Клемент дополнительными данными. Это могло бы включить рассматриваемые ею частные примеры в более широкие дискуссии о прогрессистском движении и внутренних конфликтах в советский период.

Первая глава может послужить основой для многочисленных заметок и комментариев. Начальная часть этой главы посвящена туркменской системе образования в имперский период. Она опирается в основном на официальные отчеты (в некоторых случаях цитируемые через советскую историографию) и включает краткую информацию о «традиционных школах» и «русско-туземных школах» как институциональных установках для удовлетворения образовательных потребностей населения Закаспийской области. Эти данные не являются полными. В 1908-1910 гг., во время ревизии состояния колоний графом Константином Паленом, был создан обзор местной системы образования. Данные об этом обзоре сохранились в Российском государственном историческом архиве⁴ (Некоторые из мате-

риалов остались неопубликованными. Например, особое внимание следует уделить «Записке Петра Аккермана о школах коренных народов и мусульманских учебных заведениях»⁵ и сборнику учебников⁶. Это также относится к персидской школе «Музаффария», которая функционировала в Закаспии. Этот фонд может быть дополнен данными об институте вакфа. Его анализировали этнограф Георгий Карпов и литературовед Ахмед Ахундов-Гургенли. Их материалы хранятся в Музее этнографии и антропологии (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге.⁷ Можно также отметить работу по вакфу, написанные Г.И. Карповым и востоковедом А.В. Башкировым (Демидов 2001: 84). Однако, по-видимому, этот институт был связан, прежде всего, с территорией Бухарского эмирата, населенной туркменами, в то время как главный фокус этой главы – сфера образования в Закаспийской области. Всё дело в том, что советский Туркменистан был составлен из трёх разнородных территорий, входивших в состав трёх различных государственных образований (Бухарского эмирата, Хивинского ханства и Российской империи). Некоторые особенности бухарских мектепов для туркмен можно найти в книгах Садреддина Айни (Айни 1960: 266). Однако, все эти источники требуют критического анализа.

В своей статье Франк справедливо представил еще одну перспективу изучения образования. Это анализ учебной программы местных школ (Frank 2020). Он опирается на список учебников, взятый из работы русского колониального администратора и востоковеда Ивана Беляева (Беляев 1916). Этот список был упомянут бывшим однокурсником Беляева, академиком Александром Самойловичем в его экспедиционном дневнике 1906 года: «За чаем беседовал с Мухаммедом Турды, младшим братом Мамеда. Ему 16 лет, в школе был 1 год, но занимался весьма нерегулярно, хотя за этот короткий срок прошёл: элипи⁸, хефтек⁹, Коране, Реунак¹⁰, Сопы Ала Яр¹¹, Хафиз¹²,

⁴ РГИА, Ф. 1396, оп. 1, д. 355-360.

⁵ РГИА, Ф. 1396, оп. 1, д. 358.

⁶ РГИА, Ф. 1396, оп. 1, д. 371-380.

⁷ МАЭ, Ф. К-V, оп. 1, д. 538. ⁸ Алфавит.

⁹ Хафт-и йак (перс. «одна седьмая») – заучивание одной седьмой части Корана.

¹⁰ Роунак аль-Ислам (Светоч Ислама) – учебник исламской этики для скотоводов-кочевников (Frank 2020).

¹¹ Сопы Аллаяр, Суфий Аллахийар (умер около 1721-1724 гг.) – суфийский поэт и философ, чьи дидактические труды являлись частью местного образовательного процесса (Dudoignon 1996: 136).

¹² Хафиз-и Ширази (умер в 1389/1390 гг.) – знаменитый персидский поэт.

¹³ Низам ад-Дин Мир Али Шир Навои (1441-1501) – знаменитый тюркский поэт. Его личность вошла в туркменский фольклор под именем Мыралаи.

Неваи¹³. Но... Только прочитал, ничего не понял ни в арабских, ни в персидских книгах. Таков метод преподавания! Хафиза читал один месяц»¹⁴. Роунак аль-Ислам лежит в основе анализа Франка. Это был самый распространенный учебник для туркменских школ. Разные вариации Роунака использовались разными группами туркмен и даже издавались колониальной администрацией. Указывая на распространённость учебника и особенности процесса обучения, Франк ставит статистику неграмотных туркмен под сомнение. Это направление исследований может быть связано с узбекскими дискуссиями об оценке численности грамотного населения региона (*Dudoignon* 1996). Вообще, влияние квантитативных методов анализа в имперской и советской картине реальности как одном из методов конструирования государственного нарратива находится в процессе изучения.

В последующих частях о джадидизме Клемент не обратила внимание на приветствие туркменским читателям журнала «Терджуман» («Переводчик»), опубликованное 6 марта 1888 г. (№ 9) самим Гаспринским (*Гаспринский* 2019: 169-170). Кроме того, она абстрактно описала местное движение, вдохновленное джадидами, и представила смешанный список различных личностей. Этот список следует уточнить, чтобы избежать некоторых штампов советской историографии и связать эту часть как с последующими главами, посвященными советскому периоду, так и с более широкими темами.

Прежде всего, автор упоминает список наиболее выдающихся джадидов, включающий несколько имен младобухарцев. Однако ни Клемент, ни Халид не обратили внимания на одну из региональных групп этой партии. Эта группа базировалась в городе Керки. После давления эмира на новометодные школы в 1913-1914 гг. джадиды-младобухарцы перебрались в Керки и Шахрисябз, которые стали центрами движения (*Ходжаев* 1926). Туркменский литературовед Абдулхеким Кульмухаммедов упоминал в своей биографической справке, что он был секретарем этой группы¹⁵. Кроме того, два туркмена (Кульмухаммедов и Оразмамед Вепаев) были направлены в Стамбул по программе «Бухара Тамим-и Маариф Джемиети» («Бухарское общество распространения народного образования»), которая была частью деятельности младобухарцев. По словам Соегова, туркменский лингвист Абдулла Геленов также входил в эту группу (*Соегов* 1990). Таким образом, вклад этой группы в развитие

туркменской «культурной самости», который активно критиковался их современниками, должен быть изучен в рамках работы по исследованию младобухарских идей и концепций, а не столько в рамках национальной парадигмы.

Кроме того, в каталоге фотографической коллекции Русского этнографического музея (РЭМ, фотоколлекция № 5493) упоминается группа «младотуркмен». Кроме этого источника, иных комментариев о действительном значении этого термина нет. Предположительно, эта группа работала над реконfigurацией методов коммуникации между колониальной администрацией и местным населением (*Ikhsanov* 2020). Одним из членов этой группы был Мухамедкули Атабаев, который и является центральной фигурой первой главы монографии Клемент за счёт своей публикационной активности. В свою очередь, его активность определялась его образовательной базой. Атабаев был студентом Ташкентского педагогического института и учеником русского колониального администратора и эксперта Николая Остроумова. По той же остроумовской программе обучался Алишбек Алиев, родом из Дагестана. Более того, одна из ранних статей Атабаева была издана как приложение к статье Остроумова (*Атабаев* 1906). Глава педагогического института – противоречивая личность. Его влияние на колониальное видение Центральной Азии вызывает сегодня многочисленные дискуссии в научной литературе. Однако, он точно видел большую опасность в «деятельности исламского духовенства» в Туркестане и пытался противостоять ей с помощью сети учебных заведений и издания газет. Он рассматривал эти методы как средство интеграции местного населения в состав Российской империи.

Клемент упоминает эти идеи в своем тексте. Однако, она не говорит о другом факте. Видение Остроумова было поддержано Иваном Беляевым, прибывшим в Закаспий в 1913-1914 гг. Беляев сотрудничал с Алиевым и Атабаевым в рамках своей собственной борьбы против «духовенства» (*Беляев* 1916). Вот в чем причина поддержки с его стороны активного продвижения бухарских религиозных деятелей в область. Это движение было предпосылкой борьбы между местными ишанами (религиозными авторитетами среди туркмен) и вновь пришедшими бухарцами (*Демидов* 1978). Следовательно, контекст возникновения «Закаспийской туземной газеты» не так прост. Кроме того, газета активно критиковалась самими туркменами в газете «Асхабад» (см. Открытое письмо С. Сердара, «Асхабад», 1913, № 5), то есть в пространстве культурного билингвизма. Как показал Кэмпбелл в своем интересном

¹⁴ ОР РНБ, ф. 671, д. 79, тетрадь 10а: 58-59.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7222, оп. 27, д. 152, л. 1-5.

анализе деятельности казахского учителя Ибрая Алтынсарина, ученика педагога-миссионера Николая Ильминского, такие случаи связаны с субалтернативной дилеммой. Суть её заключается в том, что оригинальность мысли о понимании местной идентичности «совместима и даже зависит от идеализированного видения российско-колониального управления» (Campbell 2017). Иными словами, деятельность Атабаева следует рассматривать не в рамках джадидской парадигмы (или не ограничиваясь исключительно ей), а через сложные отношения внутри имперского колониального общества. Кроме того, в работе нет упоминания голосов, противостоящих нарративу, «вдохновленному джадидами». Поиск голосов местных ишанов – безусловно, сложная задача, но, в противном случае, работа становится одной из списка «джадидоцентричной историографии».

Последняя проблема списка «вдохновленных джадидами» туркмен – это советские клише. В 1906 г. уже упомянутый выше А.Н.Самойлович совершил поездку в Закаспий для собирания туркменской поэзии. Местный информант Молла Сабыр Союн-оглы познакомил его с поэтом – оратором, которого звали Суханберды Овезберды-оглы, известный под своим литературным псевдонимом Гёр-молла. Самойлович оставил два описания этой встречи и фотографию этого поэта (Самойлович 1907). Ученый указал, что Гёр-молла был неграмотен – в отличие от своего отца, писавшего под псевдонимом Молла-Сакар¹⁶, и брата. После этого Молла Сабыр собрал несколько стихотворений Гёр-моллы и отправил их Самойловичу. В настоящее время в Санкт-Петербурге сохранилось несколько рукописных сборников произведений Гёр-моллы, записанных Молла Сабыром и Самойловичем (Дмитриева 2002: 360). Востоковед опубликовал только одно стихотворение, которое представляет собой критическое восприятие колониализма и основано на стереотипных представлениях о русских (Самойлович 1907). В 1930 г. была организована экспедиция в Мервский оазис с целью сбора литературных памятников. Это была последняя экспедиция, связавшаяся с Гёр-моллой перед его смертью примерно в 1934 г (Карпов, Поцелуевский 1934: 102). В 1933-1934 гг. стихотворение «Молодец за правду твою, Большевик!», подписанное именем Гёр-моллы, было опубликовано в русском переводе Г. Веселковым и Г. Карповым (Сейидов 1965: 133-134). В 1941 г. оно было издано на тур-

кменском языке. В книге Т.Хыдырова «Прогрессивно-демократическая мысль в Туркменистане» (Хыдыров 1979) Гёр-молла наряду с Атабаевым был официально провозглашен «просветителем». Он превратился в грамотного человека, который поддерживал большевизм. Из этой работы такой образ был перенесен в книги и статьи М.Соегова и именно поэтому Гёр-молла стал частью списка Клемент¹⁷.

Иными словами, список «вдохновленных джадидами» туркмен весьма эклектичен и может служить основой для отдельного исследования. Кроме того, отсутствие повествования об уголовном деле 1913 г. (которое было тесно связано с деятельностью Атабаева и группы «младотуркмен»), восстания 1916 г., Гражданской войне и первоначальных государственных проектах в регионе приводит к отсутствию плавного чередования мыслей и событий в работе В.Клемент. Создается впечатление, что эта часть несколько отделена от других глав и не раскрывает истинной мотивации практики «конструирования Другого», использовавшейся для создания эксклюзивной идентичности. Иными словами, в тексте работы констатируется факт особого упора на «культурную самость», но нет разъяснения первопричин, которые к этому привели.

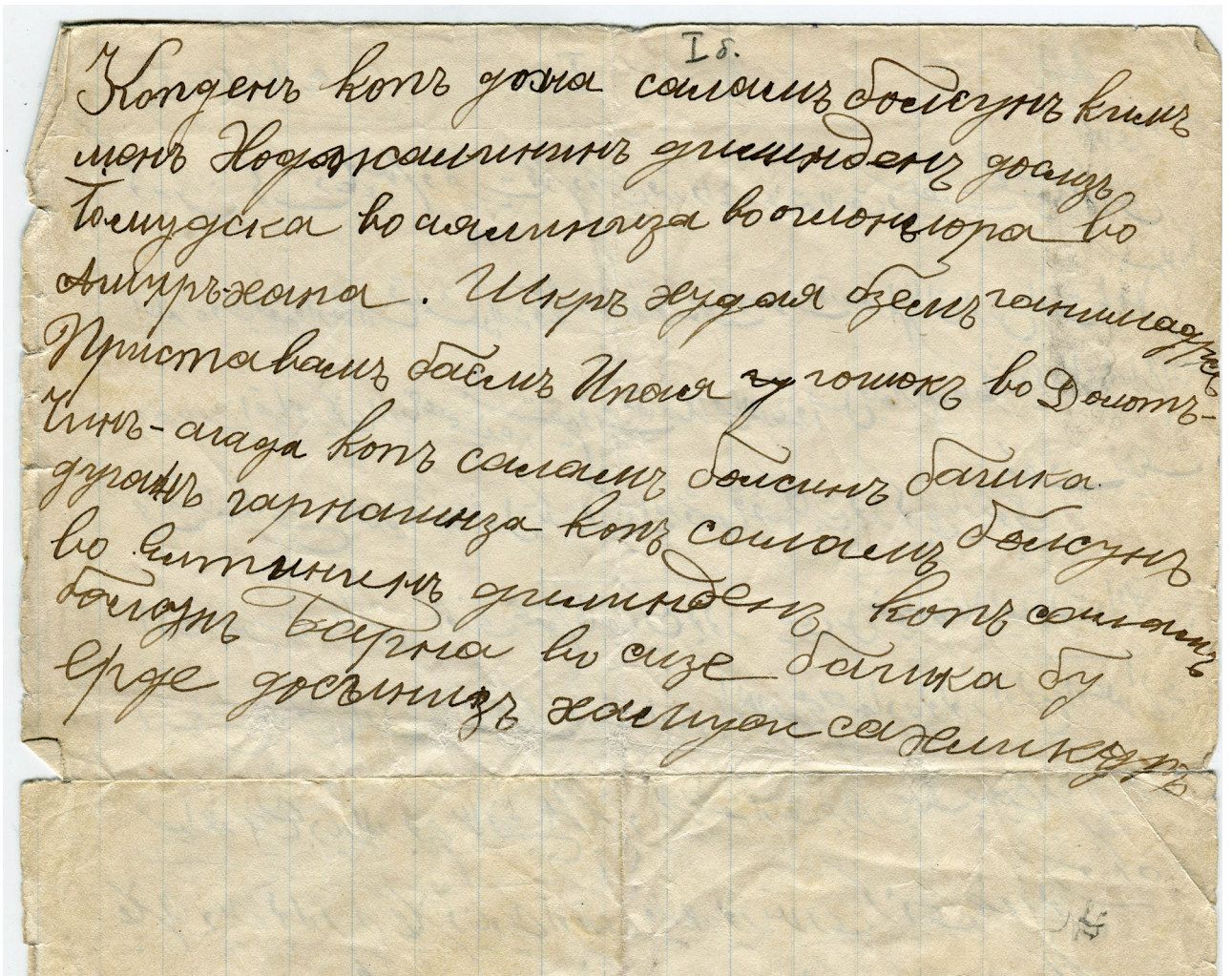
В связи с намерением Клемент показать символическую силу, стоящую за алфавитом, следует упомянуть один важный документ (ил. 1). В Институте восточных рукописей РАН сохранилось одно любопытное письмо¹⁸. Оно адресовано русскому офицеру туркменского происхождения Николаю Йомудскому его информантом, секретарем колониальной администрации Ходжалы-молла Мурадберды-оглы. Особенностью этого письма, написанного в промежутке между 1904-1909 гг., является его алфавитная система. Оно написано на туркменском языке кириллицей. Похоже, Ходжалы-молла хотел произвести впечатление своими знаниями и умением писать по-русски. Но это также является маркером влияния колониальной культуры на туркменское общество и, в частности, на тех личностей, которые работали в колониальной администрации. Символический капитал русского языка уже был известен и ощущался в реальности.

Вторая и третья главы могут быть подвергнуты критике по нескольким причинам. Первая причина – это система дихотомий, созданная Клемент, чтобы подчеркнуть оригинальность

¹⁶ От положения слова *molla* до или после имени собственного зависит его значение – от «мусульманский религиозный деятель» до «умный человек». Отец Гёр-моллы был муллой.

¹⁷ Что интересно, в тексте диссертации 2005 г. упомянуто, что сведения о Гёр-молле немногочисленны.

¹⁸ Арабиграфичный фонд. Документ С-162. Литературные письма Ходжели муллы. 16.

Ил. 1. Письмо Ходжалы-молла Мурадберды-оглы. ИВР РАН, Арабиграфичный фонд. Рукопись С-162, лист 1б.

туркменской мысли. Основное внимание в этой статье сосредоточено на двух личностях: Мухамеде Гельдыеве и Аллагулы Гараханове. По словам Соегова, оба они были выпускниками медресе Галия в Уфе. Медресе Галия было особым институтом, основанным выпускником Университета Аль-Азхар Зиятдину Камали (Хабутдинов 2013). Именно в этот период мусульманские ученые Поволжья находились в поиске новых нарративов и методов образования. Они стремились противопоставить себя персидской системе, господствовавшей в Бухаре (Bustanov 2019). Большую роль в их воззрениях сыграли ближневосточные учебные заведения. Согласно сведениям Хабутдинова «Галия» не было местом для обучения имамов, несмотря на большое значение философии в учебной программе. С 1910 г. медресе сосредоточило свое внимание на обучении учителей, которые были представителями среднеазиатских народов и племен. С 1915 г. оно стало

главным источником кадров для левого крыла Партии социалистов-революционеров (эсеров). Гибад Алпаров был известным представителем этой партии (Хабутдинов 2013). Почему это так важно отметить в связи с личностью Гельдыева? Главным образом потому, что партия эсеров имеет очень отличную от большевистских концепций программу национального самоопределения, выстроенную на этнографическом, а не классовом нарративе (Кан 2008). Алпаров и Гельдыев были близкими друзьями. Они вместе работали над изучением туркменского языка (Соегов 2019). Видимо, фактор эсеров, джадидских дискуссий и концептуализация понятия «нация» (например, через лингвистику) в истории Туркменистана, а особенно в вопросе о развитии нового типа учёных, недооценён.

Алпаров и Гельдыев также сотрудничали с Самойловичем и другими русскими востоковедами. Вот характерный документ по данным расследо-

вания после задержания Самойловича:

«Таким образом, пантюркисты имели опору в Академии Наук. Доказательством этого, а также доказательством тесной связи между националистами разных республик является такой, на первый взгляд, как будто незначительный, факт: в прошлом году на научно-орфографической конференции в Туркменинии присутствовал Самойлович, который с самого начала стал на позицию Гельдыева, всячески её защищая. Гельдыев, желая доказать свою ученость, выдумал следующую теорию: у туркмен имеются сходные слова, отличающиеся друг от друга только по произношению, одни из них произносятся короче, другие - длиннее: например, «ат» - лошадь и «ад» - имя. Он развил такую теорию, что для того, чтобы отличить слова друг от друга, надо звуки, которые произносятся протяжно, обозначать двойными буквами. Эту теорию он пропагандировал и не без успеха и в течение 4-5 лет все журналы и книги выходили с двойными буквами. Тот, кто возражал против подобного написания, находя, что оно вносит затруднения, обвинялся в том, что идет против нового туркменского латинизированного алфавита. В прошло году, когда тот вопрос рассматривался вновь, националисты выдвинули чуть ли не 18 пунктов в защиту своей теории; в защиту тезисов им активно помогал Самойлович. Когда мы категорически предложили им научно обосновать теорию Гельдыева: почему нужно ставить двойные буквы, не ординарные или полуторные, то они должны были сознаться, что научного обоснования этой теории они не имеют и что это лишь их предложение»¹⁹.

Оппозиция против Алпарова, Гельдыева и Самойловича была не только со стороны советских специалистов, но и со стороны туркменских академических работников. Лингвист Александр Поцелуевский упоминал в переписке, что, во-первых, он сам был в оппозиции к так называемой «Гельдыевской азбуке»: «При разборе книги, очень прошу иметь в виду, что я никоим образом не ответственен за принятую в ней официальную орфографию, с которой я в некоторых отношениях глубоко не согласен (недостаточное внимание уделенное в ней губному притяжению, излишества в обозначении долгих звуков (к которым... (неразборчиво – А.И.) относят полудолгие, а то и просто ударяемые), искусственность в передаче иностранных звуков, не всегда оправдываемая

народным произношением (Liinin), игнорирование живого произношения в таких формах, как diip (надо бы: diip) и т.д., и т.п.)»²⁰. А, во-вторых, её критиковали сами туркмены: «Осенью предполагается у нас конференция по установлению основ орфографии и этимологии. Если Вы приедете на неё, то Вам, по всей вероятности, придётся играть роль арбитра, т.к. организаторы конференции, насколько мне известно, попытаются её использовать для того, чтобы внести ряд изменений в ныне проводимую орфографию, авторами которой являются М. Гельдыев и К. Бориев. В туркменских кругах больше всего споров и возражений вызывают парные буквы (изображающие собой долгие звуки); ряд работников собирается настаивать на полном упразднении их. Многие не согласны также с изгнанием губных гласных из всех слогов слова, кроме первого. В общем, бой, кажется, будет жаркий»²¹. Можно ли в таком случае анализировать концепцию Гельдыева как выражение «национальной самости»? Или к ней применимо понятие «нарратива»?

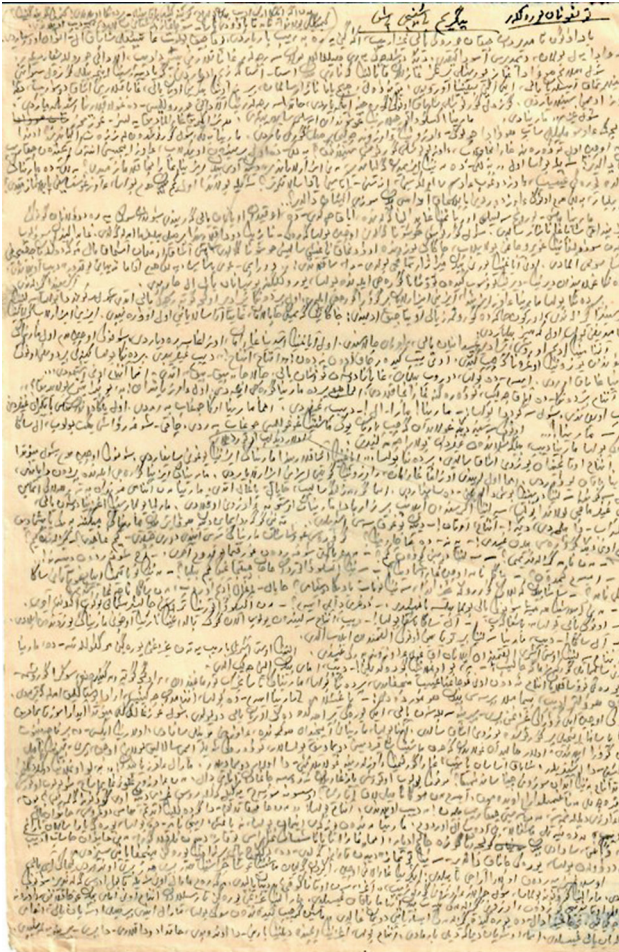
Однозначно можно отметить, что борьба шла не только между Москвой и Ашхабадом, Баку и Ашхабадом (например, туркмены опасались фактора азербайджанского языка как lingua franca Каспийского бассейна), но и внутри самого Ашхабада между различными фракциями. Она была связана с различными идентичностями и видениями будущего, а отнюдь не только с племенным самосознанием, на которое ссылается Клемент. В этих дебатах участвовали и российские ученые. Трудно разграничивать всех участников по этническому происхождению. Более того, сама подобная дихотомичность в современной науке отрицается (Battis 2016). Кроме того, особое влияние на дискуссии оказывала внутренняя социальная система туркменского общества. Например, специфический статус Кюмюшали Бориева как лидера реформ и коренизации культуры может быть связан с его происхождением из так называемого «священного племени» ходжа и его личными связями с руководством республики – он был родственником Недирбая Айтакова, первого председателя ЦИК Туркменской ССР. Этот фактор не только прекрасно сочетается с идеями Бурдьё о символическом капитале, но и позволяет обратиться к представленной выше критике Франка.

Виктория Клемент упрощает эту картину, потому что она связана с многочисленными противоречиями и деталями, требующими более глубокого изучения. Это упрощение является причиной того, что Клемент не изучила большую

¹⁹ Выдержка из: «Пролетарская литература СССР на новом этапе» (Сокращение стенографического отчета 2-го пленума совета ВОАПП. ГИХЛ. 1931 г.) ЦГА СПб. Ф. Р-7222, соч. 38, д. 57: 59-62.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 671, д. 246, л. 18.

²¹ Там же.

Ил. 2. Рукопись начала 24-й главы романа Берды Кербобаева «Чудом рожденный». Из коллекции Государственного центрального музея современной истории России. ГИК 38805/686а.

тему переводов «марксистско-ленинской литературы», которая была главной причиной дебатов конца 1930-х гг. и обвинений туркмен в языковом пуризме. Это также привело к отсутствию в этой книге Хыдыра Дерьяева. Он был самым выдающимся сторонником теории Николая Марра, который, кстати, был археологом, а не лингвистом. В этой работе Дерьяева, находившегося в борьбе с другими туркменами (Aşirov 2019), заменила Медине Богданова, более подходящая для демонстрации советской трансформации Центральной Азии. Наконец, в ближайшее время я надеюсь опубликовать статью о словарных работах в Туркменистане в 1930-е гг., основанную на аналогичном исследовании Ксавье Халлеза (Hallez 2004), которая позволит обратиться к анализу межличностных взаимодействий за стенами официальных институтов.

Ещё один разрыв в работе Клемент – связь между дискуссиями в руководстве республики и реализацией реформ на практике. Автор в ос-

новном концентрирует свое внимание на высоком уровне принятия решений, в то время как на местах ситуация была противоречивой. Бюджетные вопросы и разница между официальными заявлениями и реалиями на низовом уровне имели решающее значение для медленных темпов процесса реформ (Васильев 2016: 170-181). В своем дневнике Самойлович описал ряд деревень в южных районах Туркменской ССР. Согласно отчетам, подготовленным местными представителями Народного комиссариата просвещения, они не требовали никаких дополнительных расходов, в то время как на самом деле ученики были вынуждены учиться без книг в комнатах с земляным полом и без окон. Образование основывалось на арабской письменности, а женские клубы существовали только на бумаге. Дефицит бюджетных средств сказался и на учебном процессе.

«Школа занимает одну комнату в большом таме (доме – А.И.) с айваном. Одна дверь и рядом одно окно, закрытое ставней. Свет входит через дверь. Две стены без окон. Детей одиннадцать. Сидят на скамейках перед столами в 3 ряда. На стене - доска. Рядом счёты. На стенах плакаты. Доска [...] (неразборчиво – А.И.). Пол земляной. Комната – тесная. Мы были на уроке граммоты. Новый метод на арабском алфавите. Числится двадцать два ученика. Вчера было четырнадцать. В прошлом году училось такое же число. От одиннадцати – три второй год. Сложные для второгодников. Цифры - русские. Часов нет ни в школе, ни у учителя. Учитель преподаёт по Солнцу. Учитель симпатичный, молодой, но с беспомощным видом, ибо не находит, по его словам [...] поддержку у комитета. Непосещаемость объясняет тем, что полевой сезон не кончен, к ноябрю кончится. Обучение необязательно. В окне стёкол нет. Айван в беспорядке. Комитет арендует за 35 рублей. В том же таме есть лучше комната с окнами и столами и прихожей, в ней занимались в прошлом году, а в этом арендуют другую». В то время, как дискуссии на высоком уровне были сосредоточены на амбициях властей создать «академическое ядро», ситуация на местах была действительно чрезвычайной. Местное население даже планировало мигрировать в Афганистан, что сам востоковед связывал с деятельностью разведки²².

Последние критические замечания касаются четвертой главы. Акцент на русификацию не коррелирует с решительным ростом числа диссертаций, посвященных туркменскому языкознанию в эти годы (с двадцати двух в 1940-х до сорока в

²² ОР РНБ. Ф. 671, д. 81, тетради 18-19.

1970-х (Соегов 2012), а также с появлением двух выдающихся туркменских поэтов – Керима Курбаннеспесова и Курбанназара Эзизова, писавших свои произведения на туркменском языке. Клемент концентрирует свое внимание исключительно на одной глобальной проблеме, в то время как внутренние процессы находятся вне ее внимания. В связи с этим дискуссия между Берды Кербабаяевым, который как раз и был вдохновленным джадидами представителем 1920-х гг. и писал арабским шрифтом даже в 1965 г.,²³ (ил. 2) и Аманмурадом Аннануровым, который был представителем нового поколения, имеет особое значение для этого исследования. Эта дискуссия повторяет некоторые дебаты более раннего периода. В то время как Кербабаяев настаивает на важной роли правительственного регулирования и научной заданности направления развития языка, Аннануров констатирует мнение, схожее с высказанным в 1920-е гг. Самойловичем: «грамматику изобрести нельзя, её можно только открыть и обнародовать» (Благова 2005: 37). Когда учёные 1920-х гг. обсуждали процесс «естественной эволюции языка» в рамках крупных комбинатов и промышленных комплексов²⁴, их оппонен-

ты вводили новые термины и создавали проекты классификаций. А. Аннануров пишет о том, что лингвист может лишь зафиксировать реальные изменения в языке, происходящие в ходе живого общения. Он констатирует факт, что язык – это социальный феномен. Именно эта дихотомия нарративов – между институциональной установкой и развитием социальных структур – и определяет противоречивое отношение к советскому наследию в историографии. Однако, сама дихотомичность скрывает сложные внутренние процессы, часть из которых явственно проявилась в монографии на примере пятой главы.

Несмотря на эти дихотомии, в некоторых случаях искусственно созданные, В. Клемент использовала огромное количество литературы, чтобы показать оригинальные концепции, созданные самими туркменами. Значение этого фактора весьма существенно. Со всеми этими замечаниями монография может быть включена в более широкие дискуссии (о появлении нового типа научной персоны, о связанности дискурсов различных групп в регионе и т.п.) и оказать свое особое влияние на понимание внутреннего динамизма мысли в Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Айни 1960 – Айни С. Воспоминания. Москва-Ленинград: АН СССР, 1960.
- Атабаев 1906 – Атабаев М. Мактабы у туркмен Закаспийской области // Журнал Министерства Народного просвещения. Новая Серия. Часть I (Февраль). 1906. С. 162-166.
- Беляев 1916 – Беляев И. Мектебы Закаспийской области. Ашхабад: тип. И.И. Александрова, 1916.
- Благова 2005 – Благова Г.Ф. [Предисловие] // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Восточная литература, 2005.
- Васильев 2016 – Васильев А. Аэроплан «Октябрьский алфавит»... Астана: Гылым, 2016.
- Гаспринский 2019 – Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. III. Публицистика: 1887–1890 гг. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.
- Дэвид-Фокс 2020 – Дэвид-Фокс М. Пересекая границы. Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: Новое Литературное Обозрение, 2020.
- Демидов 1978 – Демидов С.М. Суфизм в Туркмении (эволюция и пережитки). Ашхабад: Ылым, 1978.

- Демидов 2001 – Демидов С.М. Г.И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана // Вестник Евразии. 2001, № 3 (14). С. 47-85.
- Дмитриева 2002 – Дмитриева Л. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. Москва: Восточная литература, 2002.
- Ходжаев 1926 – Ходжаев Ф. О младо-бухарцах // Историк-марксист. № 1. Москва, 1926. С. 123-141.
- Кан 2008 – Кан С. Н.В. Брюллова-Шаскольская – этнолог, эсер, человек эпохи // Этнографическое обозрение. 2008, № 2. С. 87-105.
- Карпов, Поцелуевский 1934 – Карпов Г., Поцелуевский А. Отражение Октябрьской революции в туркменском фольклоре // Советский фольклор: Статьи и материалы. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 95-130.
- Потапова 2010 – Потапова Н. Современное состояние исторического знания. Сравнительный анализ исторической периодики России и США, 1999-2008 // Болонский процесс и демократизация высшего образования в России. СПб, 2010.
- Потапова 2015 – Потапова Н. Лингвистический поворот в историографии. СПб: 2015.
- Самойлович 1907 – Самойлович А. Туркменский поэт босяк Кор мулла и его песня о русских // Живая старина. Вып. 4. СПб, 1907. С. 221-225.
- Сейидов 1965 – Сейидов А. Октябрь революциясында өңки туркмен шахырларының библиографик справочниги. Ашгабат: Туркменистан, 1965 (на туркм. яз.).

²³ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8220761>; последнее посещение: 03.06.2020

²⁴ ОР РНБ. Ф. 671, д. 376, л. 2-3.

- Соегов 1990 – Соегов М. Бегство в неизвестность // Политический собеседник. Ашхабад, 1990, № 13-14. С. 58-61.
- Соегов 2012 – Соегов М. Туркменский язык в библиографиях его исследователей: кандидатские и докторские диссертации, защищенные в период с 1939 по 2000 г. // Научный Татарстан. № 4. Казань, 2012. С. 78-85.
- Соегова 2020 – Соегова А. Туркменские джадиды-прогрессисты были правоверными мусульманами: Мухамметкули Атабаев и его статьи // Ислам в России и Евразии: Сборник памяти Д.Ю. Арапова. М.: 2020 (в печати).
- Хабутдинов 2013 – Хабутдинов А. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: Марджани, 2013.
- Хыдыров 1979 – Хыдыров Т. Прогрессивно-демократическая мысль в Туркменистане в начале XX в. (1900-1917). Ашхабад: Ылым, 1979.
- Ходжакулиева 1995 – Ходжакулиева Б. Туркменская национальная интеллигенция в конце XIX - начале XX вв. Ашхабад: Ылым, 1995.
- Abashin 2004 – Abashin S. Les Descendants de saints en Asie centrale: Élite religieuse ou nationale? // Cahiers d'Asie centrale. No. 13-14. Paris, 2004. P. 215–229.
- Aşirov 2019 – Aşirov T. Sovyet Türkmenistan'ında edebî dil araştırmaları: Hıdır Deryayev örneği // Çukurova Üniversitesi Türkoloji Araştırmaları Dergisi. Vol. 4 (1). 2019. P. 121-131.
- Battis 2016 – Battis M. The Aryan Myth and Tajikistan: from a myth of Empire to one national identity // Ab Imperio. No. 4. 2016). P. 155-183
- Bustanov 2019 – Bustanov A. On Emotional Grounds: Private Communication of Muslims in Late Imperial Russia // Asiatische Studien - Études Asiatiques. Vol. 73(4). 2019. P. 655–682.
- Campbell 2017 – Campbell I. Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Cornell University Press, 2017.
- Clement 2018 – Clement V. Learning to Become Turkmen: Literacy, Language, and Power, 1914-2014. Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 2018.
- DeWeese 2016 – DeWeese D. It was a Dark and Stagnant Night ('til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 59: Beyond Modernism: Rethinking Islam in Russia, Central Asia and Western China (19th-20th Centuries). 2016. P. 37-92.
- DeWeese 2018 – DeWeese D. A Khwārazmian Saint in the Golden Horde: Közlük Ata (Gözlü Ata) and the Social Vectors of Islamisation // Revue du monde musulman et de la Méditerranée (REMMM). No. 143. 2018. P. 107-132.
- Dudoignon 1996 – Dudoignon S. La question scolaire à Boukhara et au Turkestan russe, du «Premier renouveau» à la soviétisation (Fin du XVIIIe siècle-1937) // Cahiers du Monde russe. Vol. 37, No. 1/2. 1996. P. 133-210.
- Edgar 2004 – Edgar A. Tribal Nation: the making of Soviet Turkmenistan. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004.
- Frank 2016 – Frank A. Muslim Cultural Decline in Imperial Russia: A Manufactured Crisis // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 59: Beyond Modernism: Rethinking Islam in Russia, Central Asia and Western China (19th-20th Centuries). 2016. P. 166-192.
- Frank 2020 – Frank A. Turkmen Literacy and Turkmen Identity before the Soviets: the Ravnaq al-Islām in Its Literary and Social Context // Journal of the Economic and Social History of the Orient (JESHO). Vol. 63. 2020. P. 286-315.
- Gorshenina-Rapin 2009 – Gorshenina-Rapin S. La marginalité du Turkestan colonial russe est-elle une fatalité ou l'Asie centrale postsoviétique entrera-t-elle dans le champ des Post-Studies // Cahiers d'Asie Centrale. No. 17/18: Le Turkestan russe: une colonie comme les autres? Tachkent-Paris: IFÉAC Éditions Complexe, 2009. P. 17-79.
- Hallez 2009 – Hallez X. Petite histoire des dictionnaires kazakh-russes (1861-2002): parmi les alphabets arabe, latin et cyrillique // Cahiers d'Asie centrale. Vol. 11/12. 2004. P. 291– 316.
- Ikhsanov 2020 – Ikhsanov A. A Critique of Alexander Samoilovich (1880–1938) and the Process of an “Imperial Visitor’s” Evolution // Acta Slavica Iaponica. No. 40. 2020. P. 217-237.
- Kassymbekova 2016 – Kassymbekova B. Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2016.
- Khalid 1999 – Khalid A. The Politics of Muslim Reform: Jadidism in Central Asia. University of California Press, 1999.
- Khalid 2008 – Khalid A. Searching for Muslim Voices in Post-Soviet Archives // Ab Imperio. Vol. 4. 2008. P. 302-312.
- Khalid 2015 – Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca and London: Cornell University Press, 2015.
- Morrison 2012 – Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. No 13 (4). 2012. P. 913-930.
- Sartori 2018 – Sartori P. Visions of Justice: Sharī'a and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden, Boston: Brill, 2018.
- Shin 2017 – Shin B. Inventing a national writer: The Soviet celebration of the 1948 Alisher Navoi jubilee and the writing of Uzbek history // International Journal of Asian Studies. No. 14 (2). 2017. P. 117–142.
- Soyegov 2016 – Soyegov M. Les écrivains djadides turkmènes A. Kulmuhammedov et O. Vepaev sur eux-mêmes et sur leur époque // Slovo: Le discours autobiographique à l'épreuve des pouvoirs Europe - Russie - Eurasie. 2016. No. 47. P. 255-270.
- Söyegow 2019 – Söyegow M. Türkmen Diliniň Ilkinji Ylmy Grammatikasynyň we Terjime Sözlüginini Neşir Edilmeginiň 90 Ýyllygyna // Miras. No. 3. Aşgabat, 2019. S. 39-55.